

Когда Лу Хэн вернулся, в гостиной было пусто.

Сквозь щель в окне пробивался ветерок, то и дело приподнимая листы бумаги на журнальном столике. Лу Хэн замер за спинкой дивана, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

Цепляясь за последнюю надежду, он бросился в главную спальню, и сердце, до этого сжатое в комок, наконец немного отпустило.

К счастью, он не ушел.

Лу Хэн осторожно позвал его по имени, но ответа не последовало.

Чи Яньчжи спал очень крепко. Его веки слегка порозовели, а ресницы были влажными, словно он недавно плакал.

Лу Хэн вдруг вспомнил, как в прошлой жизни Чи Яньчжи говорил, что не хочет развода.

Я не хочу разводиться, но раз ты несчастлив, я готов уступить тебе...

Что было в этом браке, существующем лишь на бумаге, такого ценного, что заставляло Чи Яньчжи так страдать и не желать его отпустить?

Разбудить его не удалось, и Лу Хэн, не имея возможности дать лекарство, приклеил ему на лоб охлаждающий пластырь.

От ледяного прикосновения Чи Яньчжи поморщился. В полузабытьи ему показалось, что рядом кто-то сидит. Неужели Лу Хэн вернулся?

Сердце внезапно пронзила острая боль, лицо Чи Яньчжи стало еще бледнее. Побочные эффекты лекарств вызвали сонливость, но непослушные глаза отчаянно хотели убедиться в происходящем еще раз.

Сознание боролось с телом, ресницы Чи Яньчжи мелко задрожали, и он с трудом приоткрыл глаза.

Это действительно был Лу Хэн.

Его взгляд медленно опустился вниз, на соглашение о разводе, которое Лу Хэн держал в руках.

Вся пылкая любовь, что горела в душе, была вмиг залита ведром ледяной воды. Чи Яньчжи показалось, что жар усилился, иначе почему ему стало так невыносимо холодно?

— Проснулся? — Лу Хэн отбросил бумаги в сторону. — Помочь тебе сесть, чтобы принять лекарство?

Его мягкий тон заставил сердце Чи Яньчжи постепенно оттаивать. Когда человек болен, он становится уязвимым, и одна лишь забота любимого способна лишить его всякой защиты. Однако единственное, что он мог сейчас вымолвить, было продиктовано его упрямством:

— Мне уже лучше. Забирай бумаги о разводе и уходи.

Лу Хэн не шелохнулся.

Чи Яньчжи растерялся, но тут же взял себя в руки и, пересиливая слабость, откинул одеяло:

— Я забыл, что этот дом принадлежит тебе. Не волнуйся, я не собираюсь тебя преследовать. Вещи я уже...

— А я бы хотел, чтобы ты меня преследовал.

Голос Лу Хэна звучал буднично, словно он сказал о чем-то незначительном, но взгляд был предельно серьезным.

Чи Яньчжи решил, что ослышался, и его непослушный язык потребовал ясности:

— Что ты сказал?

— Я сказал, что хотел бы, чтобы ты меня преследовал, — Лу Хэн впервые видел, чтобы невозмутимый обычно Чи Яньчжи выглядел таким растерянным. Чем больше он на него смотрел, тем больше проникался нежностью и тем сильнее становилось чувство вины. — Раньше я был во всем неправ. Я не хочу разводиться. Давай не будем разводиться, а?

Разум Чи Яньчжи, и без того работавший с трудом, окончательно отказал. Он заворожено смотрел, как Лу Хэн рвет соглашение о разводе на мелкие клочки и бросает в корзину, а потом послушно пил воду и принимал лекарства из его рук.

Тело Чи Яньчжи мелко дрожало — то ли от холода, то ли от неожиданного сюрприза, заставившего сердце биться в агонии.

Лу Хэн решил, что он замерз, и, дав лекарство, укутал его вместе с одеялом в свои объятия:

— Все еще плохо себя чувствуешь?

Рассудок временно отключился, и Чи Яньчжи покорно прошептал:

— М-м.

— В аптеке сказали, что метка поможет тебе почувствовать себя лучше, — Лу Хэн не хотел предлагать это сейчас, но Чи Яньчжи было слишком плохо. С момента их последней метки прошло много времени, и одного лишь высвобождения феромонов было недостаточно, чтобы облегчить симптомы. — Можно мне поставить тебе метку?

Чи Яньчжи хотел возразить самому себе, но не смог.

Он думал, что никогда в жизни не дождется второй метки от Лу Хэна, и уже смирился с этим, но теперь, когда Лу Хэн сам предложил, он был не в силах отказаться.

Омега ничего не ответил, лишь опустил голову.

Это было безмолвное согласие.

Сухой, мягкий аромат черного дерева наполнил ноздри. Чи Яньчжи окончательно лишился сил, обмяк в объятиях альфы и вскоре снова уснул.

От него исходил сладковатый, пронзительно нежный запах цитрусовых.

В прошлой жизни, когда Лу Хэн был прикован к постели, именно Чи Яньчжи вот так же обнимал его, кормил и укладывал спать. Он привык к этим объятиям, но сейчас, когда он сам держал Чи Яньчжи в руках, он понял, каким тот был легким.

При росте метр восемьдесят, как он мог быть таким невесомым?

Вокруг воцарилась тишина, в мире остались лишь ровное, прерывистое дыхание человека в его руках и чувство удивления вперемешку с болью, которое не отпускало Лу Хэна.

Он переродился.

Все то, что он считал навсегда утраченным — возможность сказать о любви, шанс исправить ошибки, — теперь было в его руках.

В прошлой жизни он был слеп и глух, не замечая доброты Чи Яньчжи. А когда сердце наконец дрогнуло, он побоялся признаться в этом самому себе и упрямо настаивал на разводе.

В конце концов, он добился своего, но тут же начал страдать. Он пытался своим

«декоративным» мозгом понять, действительно ли он до сих пор ненавидит Чи Яньчжи так же сильно, как в начале, но не успел найти ответ — случилась авария.

Позже, лежа в постели, он имел массу времени на раздумья и наконец осознал: он был мерзавцем. Не ценил, когда они были вместе, и сходил с ума от тоски, когда расстались. Это непостоянство, это желание усидеть на двух стульях — развод с Чи Яньчжи был единственно верным решением.

Затем судьба вернула ему слух и отвесила звонкую пощечину.

Оказалось, что за ним все это время ухаживал не наемный сиделка, а Чи Яньчжи.

Он постоянно думал: почему небо решило наказать его, приплетая сюда Чи Яньчжи?

Те самые руки, что когда-то рисовали эскизы, теперь каждый день делали ему массаж и переворачивали его, а он не мог ответить ничем.

Он хотел умереть. Он не хотел быть обузой для Чи Яньчжи.

Но он не хотел умирать, потому что не хотел, чтобы все усилия и время, потраченные Чи Яньчжи, пошли прахом.

И все же он дождался своего конца.

Только он не ожидал, что это станет концом и для Чи Яньчжи.

Боль от осознания того, что Чи Яньчжи поглотило пламя, была в тысячи раз сильнее всего, что он испытал прежде. Он уже умирал однажды, но сейчас чувствовал, будто его снова подвергают пытке.

Лу Хэн опустил взгляд на пустые пальцы Чи Яньчжи и тихо прошептал:

— А-Янь, дай мне еще один шанс.

В этот раз я буду беречь тебя.

Как же тебе было больно, когда ты уходил? Чем я заслужил такую преданность?

Следующее утро.

Солнечные лучи пробивались сквозь тюль. Веки Чи Яньчжи дрогнули. Сознание еще не успело вернуться, как его пронзила острая боль в железе.

Он сел, судорожно вдохнул и замер, вцепившись в одеяло так, что побелели костяшки пальцев. В ушах звенело, сердце колотилось так, будто готово было вырваться из груди.

Стиснув зубы, Чи Яньчжи переждал приступ и свалился обратно на подушки. Дрожащей рукой он потянулся к тумбочке и с трудом открыл ящик.

Где лекарство?

Вспомнив что-то, он замер.

Лекарство закончилось еще вчера вечером.

Он затуманенным взглядом уставился в потолок, и в его поле зрения возник силуэт Лу Хэна.

Где-то в глубине души вспыхнул гнев.

Он мог простить Лу Хэну все, но раз уж они договорились о разводе, зачем нужно было так его унижать?

<http://bllate.org/book/20237/2016165>